

Тэн Ипполит

**Парижские нравы: Жизнь и
размышления Фридриха
Томаса Грендоржа**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
И76

И76 **Ипполит Т.**
Парижские нравы: Жизнь и размышления Фридриха Томаса Грендоржа / Тэн
Ипполит – М.: Книга по Требованию, 2026. – 321 с.

ISBN 978-5-519-78081-0

ISBN 978-5-519-78081-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

слушать, что онѣ говорятъ, ни знать, что онѣ чувствуютъ и чувствуютъ ли онѣ еще?

15-е декабря.

Чиновничья свадьба въ ресторанѣ: женихъ кромѣ своего жалованья натягиваетъ кое-какъ и кое-гдѣ до до четырехъ тысячъ франковъ въ годъ. Молодая дѣвушка приноситъ въ приданое пятьдесятъ тысячъ франковъ; ея отецъ — лѣсничій въ провинціи.

Обстановка кафе неблагоприятная. Стулья потертые, ковры на лѣстницахъ липкіе, такъ и хотѣлось бы написать надъ дверью: свадьбы и пиры. Лакеи разносятъ стаканы сахарной воды, лишь слегка подкрашенные смородинымъ сиропомъ. Они позволяютъ себѣ разговаривать съ приглашенными, дѣлаютъ замѣчанія, и какія замѣчанія! „Вамъ подадутъ мороженаго и всякихъ лакомствъ“. Это удивительная наглость, чисто парижская.

Общество это не красиво. Туалеты, претензіи на хорошее общество тутъ же уничтожаются разными ужимками, странностью носовъ, натянутыми манерами, выраженіемъ лицъ, одурѣвшихъ отъ однообразія занятій. Подлинное выраженіе нѣкоторыхъ еще непріятнѣе.

Только то хорошо носится, что носится всегда. Роскошь, въ которую облакаются разъ въ годъ, рѣжетъ глаза.

Единственное спасеніе для людей, получающихъ менѣе двадцати тысячъ ливровъ годоваго дохода, это жить у себя дома, по образцу англичанъ или женеццевъ, никогда не принимать гостей, избѣгать всякой парадности, видѣться только съ двумя или тремя старыми друзьями, и вмѣсто баловъ и вечеровъ тратить деньги на жизнь въ довольствѣ, на хорошіе провинціальныя обѣды, на хорошее бѣлье; въ противномъ случаѣ будешь связанъ и смѣшонъ; справляй свадьбу съ

затворенными дверями, безъ зрителей. кромѣ однихъ свидѣтелей, отца и матери. Обжорство и танцы при кенкетахъ хороши для мужиковъ, которые одинъ разъ въ жизни наѣдаются до сыта, или для ремесленниковъ, которымъ нужно размять ноги.

Тапёръ, тридцати шести лѣтній отупѣлый господинъ. былъ смѣшонъ въ своемъ парадномъ костюмѣ, съ усами и видомъ столяра, одѣтаго въ праздничное платье. Подъ этой одеждой замѣтна была привычка къ рюмочкѣ. Онъ барабанилъ сильно, но машинально, по 15 су за часъ. Глядя на него, и думалъ о факельщикахъ, всегда въ изношенной черной одеждѣ, въ черной шляпѣ съ порыжелыми краями.

Невѣста, маленькая толстенькая дѣвушка, рада бы запрятаться въ уголокъ. Часамъ къ одиннадцати она становится смѣлѣе, разыгрывается даму, толкуетъ объ устройствѣ дома и говорить: „мы сдѣлаемъ, мы пойдемъ“. Женихъ проворный, развязный, кланяется, улыбается, суетится; руки, ноги, голова, глаза, все у него въ движеніи, Живостью онъ походитъ на южнаго уроженца; фалды его фрака развѣваются какъ крылья. Шестъ недѣль тому назадъ люди эти увидались въ первый разъ и послѣ трехъ свиданій, ужъ были женихомъ и невѣстой. Сегодня же музыка, шумъ, угощеніе смородинной водой, и эти два тѣла и двѣ души соединены на всю жизнь.

17-е декабря.

Дружеская вечеринка у людей истинно свѣтскихъ, а между тѣмъ какая нелѣпость!

Молодая дѣвушка пѣла какую то новую арію, страстную арію любви; въ музыкѣ въ особенности слышались сильные порывы, какъ въ серенадѣ Шуберта. Замѣьте, что вы были бы самый грубый, самый непри-

личный человекъ, еслибъ позволили себѣ при матери, отцѣ, тетюшкѣ, бабушкѣ, цѣломъ сборищѣ дуэній и родственникововъ, сдѣлать самый легкій намекъ на то, что она сейчасъ такъ продолжительно объясняла.

Цѣлый рядъ музыкантшъ, между ними г-жа В.... двадцати трехъ лѣтняя молодая, съ поднятыми глазами къ небу (я хочу сказать къ потолку). Ожидаютъ. Она пропѣла „весеннее желаніе“ съ томнымъ выраженіемъ, чтобъ дать лучше понять музыку. Мужъ въ восхищеніи, онъ приноситъ тетради, разыгрываетъ роль импрессаріо. Что касается до меня, то мнѣ все это было бы такъ же пріятно, какъ еслибъ жена моя сняла платье въ обществѣ.

Всюду видишь то актрису, то модистку.—Я смотрѣлъ на всѣ эти лица изъ за ихъ богатыхъ декальтированныхъ платьевъ съ кружевами. Прекрасны, даже поэтичны платья, но головы!

Третьяго дня госпожа В... и ея супругъ воротились домой въ семь часовъ утра. Въ этотъ же день они отправились на два другіе вечера. Каждый вечеръ на балъ, въ театръ, на обѣдъ. Она выѣзжаетъ такимъ образомъ разъ шесть въ недѣлю, а дома въ два или три завернетъ каждый вечеръ, едва присядетъ, обмѣняется обычными фразами, сдѣлаетъ знакъ мужу ожидающему въ дверяхъ и накинетъ бурнусъ въ прихожей.

У нее всегда улыбающаяся фізіономія. Эта заученая миѣна обращается въ привычку, какъ у танцовщицы—держаться на пальчикахъ. Красота ея бесполезна, это красота куклы; послѣ десяти минутнаго разговора отъ нея хочется бѣжать. Мужъ — плотный карапузикъ, большой охотникъ до трюфелей. И она права, заставляя его рыскать; онъ слишкомъ много ѣстъ, можетъ растолстѣть.

21-го декабря.

Нынче въ разговорѣ мужчинъ съ свѣтскими женщинами замѣтенъ отбѣнокъ насмѣшки; они приняли такой тонъ потому, что привыкли быть въ обществѣ продажныхъ дѣвицъ, передъ которыми нужно всегда быть въ оборонительномъ положеніи. Рыцарскій тонъ, истинное уваженіе исчезли. Услужливость и вѣжливость, или просто учтивое обращеніе, встрѣчается лишь въ пятидесятилѣтнихъ мужчинахъ. Г-жа Андре М... говорила мнѣ вчера, что это очень не пріятно и неизвѣстно къ чему это поведетъ. И замѣтилъ этотъ тонъ у ея мужа, также какъ и у другихъ.

23-го декабря.

Женщины ужасно скучаютъ, когда ихъ оставляютъ въ гостинной однѣхъ; онѣ готовы лучше подвергаться насмѣшкамъ. Собравшись во множествѣ и сидя въ нѣсколько рядовъ, онѣ прилично зѣваютъ, прикрываясь пѣеромъ; онѣ сидятъ какъ плѣнницы за стѣной платьевъ, изъ-за которыхъ не легко выбраться; во весь вечеръ не могутъ двинуться съ мѣста и пребываютъ въ молчаніи; онѣ не могутъ разговаривать между собой, не довѣряютъ другъ другу, потому что всѣ соперничаютъ въ красотѣ и туалетѣ; умѣютъ только улыбаться и внутренне досадовать на судьбу.

Мужчины смотрятъ опершись на дверные косяки; они лорнируютъ какъ на рынкѣ. И дѣйствительно это выставка волаковъ, брилліантовъ и плечъ.

Досада обнаруживается скоро. У нихъ давнишняя злоба на супружество, такъ какъ онѣ не нашли въ немъ ничего, кромѣ разочарованій. У мужчинъ была своя молодость, свои мечты; они жили, а мы? имъ досадно, что онѣ получили наслѣдство послѣ пяти или

шести камелій. Одна изъ нихъ все налегала на слова: знать жизнь; подъ этимъ должно разумѣть упоеніе, сильныя ощущенія, біеніе сердца, вихрь, который увлекаетъ все, и чувства и голову. Ихъ слова умѣренны, но мысль! Никто не можетъ измѣрить глубину, бездонную пустоту, которыя встрѣчаются подъ однообразнымъ покровомъ свѣтской холодности.

Г-жа Андре М... для чтенія предпочитала романъ Генриха Мюрже, тамъ находила она истинное чувство. И видалъ нѣмокъ, читавшихъ и перечитывавшихъ Фанни г-жи Бовари. Скука домашнего очага, желаніе ужиновъ могли бы повести ихъ далеко по этому пути.

Имъ предписываютъ чувства бѣлки въ клеткѣ, жизнь регулярную, размѣренную, отбитую по шнуру, безъ страстей, какъ жизнь мудраго голландца, и въ то же время ихъ научаютъ искусству удовлетворять, возбуждать, раздражать самыя пылкия фантазіи и самыя утонченныя желанья. — „Вы, милые, изъ всѣхъ силъ раздувайте вокругъ себя пламя, а сами же оставайтесь холодны“.

3-е января.

Я въ оперѣ; двѣ молодыя женщины съ мужьями въ моей ложѣ.

И слышу слова: муаръ-антикъ, неразрѣзной бархатъ, тарлатанъ, попелинъ, гипнеръ, воланы и проч. Людямъ, имѣющимъ отъ 40 до 80 тысячъ ливровъ годового дохода, невозможно и думать о чемъ-либо иномъ. Г-жа М... и Б... очень просто воспитаны, сами очень просты и вѣчно не успѣваютъ ничего сдѣлать: нужно вхвать выбрать матерію, ленты, отдать отдѣлать шляпку, сравнить кружева, научить модистку. Послѣобѣденное время проходитъ въ магазинахъ; мужъ не можетъ пользоваться каретой.

Онѣ правы, доставляя французу то, что наиболѣе нравится: удовольствіе. На что ему постоянное и сильное чувство; оно стѣсняло, волновало, заботило бы его; ему нужно кратковременное возбужденіе фантазіи, милое общеніе удовольствія, брошенное мимоходомъ.

Мои двѣ молодыя женщины созданы для этого. Ихъ никогда не покидаетъ веселая, пріятная любезность. Онѣ улыбаются даже ужасной драмѣ Трубадура, онѣ довольны.

Представьте себѣ особу, купающую мороженое или особу у которой таетъ мармеладъ во рту. Таково ихъ состояніе: ощущеніе маленькаго спокойнаго удовольствія, безъ малѣйшей задней мысли.

, Такъ у всякаго своя степень и свой родъ благополучія, это какъ бы нравственная, естественная температура человѣка. Всякій вращается около нея и старается къ ней приблизиться. Для Вольтера напр. она находится въ тонкомъ великолѣпномъ ужинѣ, въ ощущеніи, которое испытывается въ головѣ отъ безпорядка мыслей или отъ бутылки шампанскаго. Температура Верди—это температура борца, мятежника, человѣка негодующаго, долго сдерживавшаго свое негодованіе, и который наконецъ отъ страданія и напряженія внезапно раздражается подобно бурѣ. Странные слушатели! могутъ ли они стать наравнѣ съ Верди!

И—это критики, люди со вкусомъ, насмѣшники, которые не въ состояніи забыть, не въ состояніи разочувствоваться. Сначала они занимались наружностью Азучены.—„Она сносна, ея цыганская юбка характеристична“. Начинается ужасный, трагическій, раздражающій сердце разсказъ, весь ужасъ испанскихъ страстей, все кровавое величіе среднихъ вѣковъ. Дамы

передаютъ другъ другу лорпеты; нужно же разсмотрѣть хорошенько цвѣтъ лица Азучены.— „Боже мой, она закоптилась какъ ветчина“. И смѣются съ какимъ-то отвращеніемъ. Это напомнило мнѣ сцену изъ послѣдняго акта Донъ-Жуана, когда являются чертепята, дѣлая разные прыжки; всѣ въ ложахъ смѣялись. Они не замѣтили серьезный, трагической музыки.

4-е января.

Альцеста на театрѣ „Опера.“

Публика оставалась очень холодна и оживилась лишь отъ балета. Эта публика на три четверти состоитъ изъ людей, которые хотятъ веселиться, которые пріѣзжаютъ слушать большую драматическую поэму, какъ ѣздить въ ресторанъ или въ водевилъ. Скрибъ, Александръ Дюма, отецъ, Адольфъ Адамъ представляютъ образцы французовъ. Однако и на парижской почвѣ есть маленькій кружокъ настоящихъ судей, а другіе, пожалуй, могутъ иногда возвыситься до нихъ. Но врожденное сочувствіе, пониманіе прекраснаго, способность увлекаться находятся въ Италіи и Германіи. Въ Берлинѣ слушаютъ музыку молча, такъ же внимательно какъ въ церкви. Здѣсь смѣются.

Вслѣдствіе чего бездна промаховъ. Слѣды поливанія оставшіеся на полку видны изъ лучшихъ ложъ и оскорбляютъ взоры. Скучающее, наглое выраженіе фигурантовъ представляетъ контрастъ съ музыкой; они толкаются локтями и подшучиваютъ другъ надъ другомъ за кулисами. Балетъ отвратителенъ, это выставка продажныхъ дѣвицъ. У нихъ жесты и подленькія кривлянья ремесла, приторное, обязательное сладострастіе. Въ балетѣ нѣтъ на десять процентовъ настоящей красоты. Тутъ все дышетъ уличной заманчивостью: ноги обтянуты розовымъ трико и выставлены до бедръ;

поза канатныхъ плясуній. Своими лягушачьими поворотами, напоминающими школу плясунновъ, онѣ хотятъ изобразить благородныя процессіи древней Греціи.

Свѣтскіе люди, живущіе для удовольствія и находящіе его одинъ разъ изъ десяти; буржуа, гонящіеся за наслажденіемъ и не достигающіе его; дѣвицы легкаго поведенія и разныя двусмысленныя личности, продающія его и получающія его обманомъ,—вотъ Парижъ.

Одна цѣль: *наслаждаться и казаться.*

ГЛАВА II.

Грендоржъ къ читателю.

Господину Марселену, редактору „Парижской жизни“.

Милостивый государь!

Такъ какъ вамъ угодно было познакомить публику съ авторомъ, довольно странныхъ замѣтокъ, напечатанныхъ вами, я хочу самъ представить себя читателямъ. Хотя нѣсколько затруднительно рекомендовать себя самому, но такъ и быть! Не мѣшаетъ вашимъ читателямъ имѣть понятіе о человѣкѣ, съ которымъ придется имъ разъ или два въ мѣсяцъ бесѣдовать за завтракомъ.

Мнѣ пятьдесятъ два года, я нажилъ себѣ состояніе въ восемьдесятъ тысячъ ливровъ годового дохода торговлей соленой свининой и керасиномъ, и не обладаю богатой фантазіей. Кромѣ того я оставилъ Парижъ сорокъ лѣтъ тому назадъ и только пять лѣтъ какъ возвратился. Вотъ довольно плохіе задатки для описанія парижской жизни. Меня, пожалуй, назовутъ варваромъ, а можетъ быть ужъ и называли.

Если такъ, то ошибка въ моемъ первоначальномъ воспитаніи. Мой отецъ полагалъ, что французское учеб-

ное заведеніе—казарма, въ которой научаются только курить въ корридорахъ и пріобрѣтають склонность къ хорошенькимъ дѣвушкамъ, такъ мило танцующимъ въ улицѣ Каде отъ одиннадцати до двѣнадцати часовъ ночи. По этому онъ отправилъ меня въ Англію, въ Итонскую школу, гдѣ я долго упражнялся въ фабрикаціи греческихъ стиховъ, по преимуществу ямбическихъ; кромѣ того я чистилъ сапоги старшихъ и получалъ или задавалъ нѣсколько десятковъ боксовъ въ недѣлю. Греческіе стихи, даже ямбическіе, не принесли мнѣ особенной пользы, но чистка сапогъ и привычка къ боксамъ были довольно полезны; имѣю смѣлость рекомендовать эти упражненія для вашего сына, если онъ есть у васъ.

Когда мнѣ было восемнадцать лѣтъ, отецъ мой разсудилъ, что эти упражненія въ греческихъ стихахъ и хорошихъ боксахъ пріучили мою голову къ терпѣнью и сдѣлали твердыми мои мышцы. Тогда послалъ онъ меня въ Германію, въ Гейдельбергскій университетъ. Тамъ я купилъ себѣ красную шапочку съ золотымъ галуномъ и прогуливался по садамъ стараго замка, принимая мужественную осанку, и, хотя у меня было очень хорошее зрѣніе, надѣлъ очки, желая придать себѣ видъ ученаго. Впродолженіи пяти лѣтъ я выкурилъ несмѣтное количество трубокъ и нѣсколько разъ дрался на дуэли; въ первый разъ изъ за служанки, съ которой товарищъ мой обошелся не довольно вѣжливо; въ другой разъ по поводу объективности и индивидуальности безконечнаго. Я приходилъ въ восторгъ, видя какъ наши профессора раздѣляли и подраздѣляли всѣ явленія небесныя и земныя; я топалъ ногой отъ нетерпѣнія, когда профессоръ говорилъ слишкомъ скоро, не хотѣлось проронить ни одного слова; мнѣ казались, что наука, разраздѣленная такимъ образомъ на отдѣлы и параграфы, ложи-